

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

Ю.А. КИМЕЛЕВ

**ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ. СФЕРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

**МОСКВА
2016**

ББК 60
К 40

Серия
«Проблемы философии»

Центр гуманитарных научно-информационных исследований

Отдел философии

Автор обзора

Ю.А. Кимелев – доктор философских наук, профессор

Ответственный редактор – кандидат философских наук
Г.В. Хлебников

Кимелев Ю.А.

К 40

Философия и социологическая теория. Сферы взаимодействия: Аналит. обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. философии; Отв. ред. Г.В. Хлебников. – М., 2016. – 96 с. – (Сер.: Проблемы философии).

ISBN 978-5-248-00809-4

В работе анализируются некоторые важнейшие сферы взаимодействия философии и социологии в социально-теоретическом познании. Во-первых, рассматривается сфера разработки социальной онтологии, «онтологии социального». Во-вторых, объектом анализа становятся значимые сферы современного социально-теоретического исследования, где взаимодействие философии и социологии носит особенно интенсивный характер. В работе представлены две такие конкретные области взаимодействия философии и социологии: взаимодействие «философии телесности» и «социологии тела»; взаимодействие политической философии и политической социологии. В-третьих, анализируется традиционно важная роль философии в разработке методологической проблематики социологического познания.

Для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов.

ББК 60

К 40

ISBN 978-5-248-00809-4

© ИНИОН РАН, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Социальная онтология	12
Глава 2. Социальная субъектность. Философские и социологические концептуализации	44
Глава 3. Субъективность. Социально-философские и социологические подходы.....	57
Глава 4. Телесность. Философия телесности и социология тела.....	80
Литература	95

ВВЕДЕНИЕ

Взаимодействие философии и социологии осуществляется по весьма широкому объектному спектру социальной теории. В данной работе внимание сосредоточивается на том сегменте этого спектра, который связан с проблематикой отношений между обществом и индивидом. При этом речь идет только о некоторых аспектах этих отношений, которые к тому же рассматриваются преимущественно в своем нынешнем состоянии.

Одной из важнейших теоретических сфер, в которых в настоящее время интенсивно осуществляется взаимодействие философии и социологии, является проблематика индивида.

Проблематика индивида будет рассматриваться в той мере, в какой она совпадает с проблематикой агентности, субъектности и субъективности. Более того, «агентность», «субъект» и «субъективность» правомерно рассматривать как исследовательские спецификации теоретического подхода к индивиду. Ведь индивид как биологическое существо существовал и существует во всех человеческих социальных образованиях. Подобное универалистское утверждение правомерно и в отношении агентности человека. В то же время субъектность и субъективность следует считать, на наш взгляд, исторически вариативными феноменами социальной жизни человека; по меньшей мере в том смысле, что они проявляются только в определенных социальных образованиях, например только в каких-то цивилизациях или эпохах.

Разработка проблематики агентности и субъектности связана с социальной онтологией. Сфера социальной онтологии – традиционная сфера взаимодействия философии и социологии. Социальная онтология – это объективное изучение и осмысление социальной реальности в высокой степени всеобщности и в соотношении с рассмотрением в высокой степени всеобщности других реальностей – прежде всего

природной и антропологической. Социальная реальность должна предстать в своем бытийном своеобразии и суверенности.

Социальная онтология предстает в двух проблемных комплексах. Первый – связан с оформлением институциональных структур как базового компонента организованной социальной жизни человека. Базисные институциональные структуры не только возникают, но и поддерживаются, сохраняются и модифицируются посредством человеческой агентности – другого базового компонента всякой организованной формы социально-исторической жизни. В данной работе при анализе социальной онтологии преимущественное внимание уделяется агентности, соответственно проблематике социального действия.

Схематика взаимодействия институциональных структур и индивидуальной и коллективной агентности человека, положенная в основу анализа социальной онтологии, фактически рассматривает агентность, соответственно социальное действие, прежде всего в перспективе создания и поддержания социального порядка. На деле это означает функционализацию социального действия, а также субъекта социального действия и субъективности индивида по отношению к формированию и поддержанию социально-институциональных структур.

Агентность может представлять и как «субъектность». Речь идет о социальном действии как проявлении социальной субъектности индивида. История западной философской и социально-научной мысли последних столетий в определенной перспективе может рассматриваться как размышление о человеке в перспективе его субъектности, в том числе социальной субъектности, как осмысление его величия или нищеты, как обоснование его мощи или даже как утверждение об отсутствии такой реальности как субъект.

Мы ограничиваемся рассмотрением ряда наиболее значимых моментов дискурса о социальной субъектности. Речь при этом идет об индивиде, а не о родовом субъекте или о какой-то другой форме коллективной субъектности.

В основу анализа положено выделение двух основных и в то же время предельных форм социальной субъектности индивида. Первая форма реализуется как участие в интересующей макросоциальной трансформации, ориентированной на воплощение каких-то универсальных проектов или ценностей. Назовем ее «универсалистской». Вторая форма – созидание автономной «формы жизни», «стиля жизни» как осуществление приватно-индивидуального идеала субъектности.

В работе практически не рассматривается философско-аксиологическая и моральная проблематика. Другими словами, отсутствует рассмотрение тех целей и ценностей, на которые может ориентироваться та или иная версия универсалистского или частного социального проекта. Это обусловлено – что касается универсалистской формы социальной субъектности – фактическим отсутствием в обществе каких-либо крупномасштабных социально-исторических и идеологических проектов, способных задать подобные цели и ценности.

Реализация той или иной версии частной формы социальной субъектности сопряжена преимущественно с привычными современными ценностными ориентациями индивидуального и частного существования человека. Примечательным моментом современной эпохи является то обстоятельство, что многие из этих ценностей трансформировались в «символические блага», провозглашение и пропаганда которых образует составную часть функционирования современной капиталистической экономики и потребительской культуры.

В исследовательском плане агентность и субъектность может рассматриваться в некотором отвлечении от взаимодействия с социально-институциональными структурами. Кроме того, социально-онтологическая схематика уже в силу своей абстрактности не в состоянии уделить должное внимание индивиду в его индивидуальности, субъективности в ее своеобразии.

При рассмотрении субъективности в фокусе внимания оказывается проблематика социальной идентичности. Вообще, вся проблематика социального агента, субъекта и субъективности неразрешимо связана с проблематикой социальной идентичности. Это неудивительно, поскольку идентичность – это и есть в той или иной мере осознанное социальное самоопределение, задающее основные параметры социальной ориентации и социального действия. (При этом «внешнее» теоретическое определение идентичности является важнейшим средством характеристики того или иного конкретного социального агента.) Вместе с тем именно при обращении к субъективности исследование социальной идентичности имеет особое значение.

Употребление выражения «социальная идентичность» указывает на то обстоятельство, что социальная идентичность не совпадает полностью с индивидуально-личностной идентичностью в целом, во всех ее аспектах. Соответственно, идентичность инди-

вида фактически рассматривается нами в определенной перспективе и с известными ограничениями.

Социальная идентичность является универсальной характеристикой в том смысле, что эта характеристика присуща всем индивидам во всех исторических обществах. В доиндустриальных обществах идентичность базировалась на том положении, которое индивид занимал в семье и обществе по рождению. С некоторым преувеличением можно сказать, что идентичность была следствием социальной атрибуции. Вообще идентичность стала восприниматься как нечто проблематичное только в условиях европейского модерна, в особенной мере в период после промышленной революции. (Отдельные истоки реальной возможности изменить идентичность можно усмотреть в Реформации в связи с расщеплением единой религии и, соответственно, изменением, причем в массовом порядке, религиозной идентичности.) Оформление контура социальной идентичности эпохи модерна связано с историческим становлением и функционированием промышленного капитализма в экономической сфере, либерально-демократического режима в политической сфере и буржуазной культуры.

В индустриальных обществах, в которых появляются определенные возможности выбора профессии, сферы деятельности и способа жизни, идентичность начинает в значительной мере зависеть от *выбора* самого индивида. Это лежит в основе нового буржуазного понимания индивида как субъекта относительно автономного по отношению к обществу, к которому он принадлежит и по отношению к которому он вправе выносить независимое критическое суждение. При рассмотрении социальной идентичности можно провести также различие между проблематикой идентичности эпохи модерна и современной эпохи, приходящейся на вторую половину XX – начало XXI в.

В XX в. конвенционалистская идея субъекта и субъективности, т.е. базирующаяся на понятии сознания, подверглась многообразной критике, однако остается фактом, что без этого понятия невозможно понять сложность и неоднозначность дискурса об идентичности.

Всякая культура, даже так называемые «примитивные культуры», в которых не появляется понятие индивидуальность, как мы его понимаем, представляет собой совокупность объяснений и ответов на вопросы о смысле жизни и смерти, о положении человека в мире. Все эти вопросы предполагают какой-то сознательный опыт.

В прежних обществах преобладали определения человека, связанные с крупными религиозными и метафизическими концепциями мира, в рамках которых индивид понимался через отношение к космическому порядку или эволюции человеческой истории. В нынешних обществах такие определения сохраняются, однако оспариваются, они стали более проблематичными и дифференцированными.

Идентичность можно рассматривать как то, что отвечает на вопросы «кто я?» и «что есть я?», т.е. как то, что позволяет определить нас самих и в нашей неповторимой индивидуальности, и как принадлежащих той или иной группе, тому или иному социальному миру.

Ответ на вопрос «кто я?» никогда не будет ясным и определенным, поскольку наше самосознание меняется на протяжении жизни. Такой ответ – всегда не только отношение с прошлым, но и отношение с будущим, проект: то, чем мы *хотим* быть. Это идея о благе и справедливости для нас, т.е. ответ на этический поиск, который осуществляется в контексте наших отношений с другими людьми и в соотношении с ценностями и социально-культурным окружением.

В то же время ответ на вопросы «что есть я?» находится в культурных и социальных определениях как человека вообще (например, «разумное животное»), так и как индивида, принадлежащего конкретному обществу в определенную эпоху, а также обладающего конкретными физическими свойствами.

Несколько последних десятилетий проблематика социальной агентности, субъекта и субъективности, соответственно проблематика индивида в его взаимоотношениях с обществом во все большей мере сочетается с изучением в социально-научной перспективе тела человека. Сформировался междисциплинарный комплекс «исследования тела» (body studies). В рамках этого комплекса социология активно соотносится с философской антропологией в широком смысле, соответственно, с такими философскими направлениями, как немецкая философская антропология, экзистенциально-феноменологическая «философия телесности» в ее французской и немецкой версиях, англоязычная аналитическая философия сознания. В качестве общей сквозной тематики и для этих направлений современной философии, и для их взаимодействия с социально-научным знанием можно, на наш взгляд, указать на связь между проблематикой телесности и проблематикой идентичности, прежде всего социальной.

Наглядным примером перспектив взаимодействия философии и социально-научного познания может служить обращение к теме, в огромной степени новой для социально-теоретического познания, в том числе для философской и социологической проблематики социальной агентности, субъектности и субъективности – возможности изменять с помощью новейших научно-технологических средств саму биологическую природу человека со всеми вытекающими отсюда социальными последствиями. Если говорить коротко, речь идет об осмыслении характера и перспектив человеческого существования, которое не будет однозначно определяться биологической природой человека, обусловленной предшествующим эволюционным процессом – осмыслением перспектив «постэволюционного существования». Все это неизбежно затрагивает существенные моменты не только философско-антропологической проблематики, но и проблематики социальной онтологии, проблематики социальной субъектности и субъективности, позволяет поставить целый ряд вопросов, постановка которых была бы немыслима в другие эпохи. Возможно и желательно ли оставаться в рамках традиционных способов понимания понятия *человек*? Возможно, целесообразно пересмотреть это понятие, унаследованное от либерального гуманизма, с тем чтобы создать новые формы этого понятия? Во что мы превращаемся? Кем и чем мы в действительности хотим быть? Какое общество желательно смоделировать, учитывая новые неслыханные возможности науки?

Традиционно и философия, и социальные науки исходят из наличия такой биологической структуры как «человек». Эта структура допускает огромную вариативность, эволюционную изменчивость, однако остается устойчивой и во многих отношениях неизменной. Иными словами, человек как биологическое существо понимается как некая неснимаемая, говоря философским языком «абсолютная» данность. Человек являет неслыханную пластичность в своем социальном и культурном творчестве, но создается все это многообразие на основе и в рамках определенной биологической структуры.

Возможное «посторганическое», «постэволюционное» существование может восприниматься и как совершенно определенное свидетельство социально-трансформационного потенциала человека. Это есть также ответ на ряд важнейших вопросов социальной агентности, субъектности и субъективности.

В самом общем виде правомерно утверждать, что взаимодействие между философией и социологией – это, главным образом,

взаимодействие между философской антропологией в широком смысле, т.е. между различными философско-антропологическими перспективами и теориями, с одной стороны, и различными социологическими позициями и теориями – с другой.

Если ограничиваться концепцией, положенной в основу данной работы, то речь идет о философских концептуализациях социальной агентности, субъектности и субъективности или о философско-антропологических концептуализациях *условий возможности* социальной агентности, субъектности и субъективности. В свою очередь философско-антропологические положения в той или иной форме учитывают результат того, каким образом социология представляет социальное существование и функционирование человека.

Эти отношения могут носить двусторонний характер. С одной стороны, напрашивается предположение о том, что философско-антропологические концептуализации «природы человека», «образа человека» включают в себя и концептуализации человека как социального, социально-исторического, социально-культурного существа. Фундаментальные характеристики человека входят в центральные категории социальных и гуманитарных наук или даже конституируют их. Соответственно, философско-антропологические теории в такой своей ипостаси в состоянии выполнять по отношению к социальным наукам функции последней объясняющей инстанции, исследовательского ориентира, общей методологической основы и др. Кроме того, философские теории могут открывать и новые горизонты социально-научного исследования и поиска, как в случае с философской тематизацией «посторганического» и «постэволюционного» существования человека.

При таком подходе речь идет, говоря общо, о тематизации и теоретической разработке философско-антропологическими средствами условий возможности социальной агентности, субъектности и субъективности. Мы имеем здесь дело с движением от философско-антропологической рефлексии к социальным наукам через концептуализацию социального действия как общей объектной области социальных наук.

С другой стороны, возможно предположение о том, что именно социальные науки в состоянии послужить основанием для философско-антропологической рефлексии. Базисная схема здесь может быть приблизительно следующей. Проблемы, соответственно теоретические разработки социальных наук образуют некий

единый проект, который вступает в диалог и кооперируется с естественно-научным, прежде всего биологическим, знанием.

Вообще взаимодействие философии и социологии не должно обязательно носить эксплицитный характер и подвергаться тематизированной рефлексии. Взаимодействие чаще всего – это фактическое использование философских ориентаций и содержаний в социологии, с одной стороны, и результатов социологических исследований в философии – с другой.

Сотрудничество философии и социологии может осуществляться с рамках одной концепции. Характер взаимодействия определяется особенностями подобной концепции.

В аналитической перспективе отношения философии и социологии носят довольно тесный характер. Это верно и в отношении тех социологических и философских направлений, которые отрицают фактическое наличие этих отношений, а также тех направлений, которые настаивают на четком принципиальном разделении двух дисциплин.

Подводя итог, кратко резюмируем ряд общих философско-антропологических и теоретико-социологических положений, которые образуют общий теоретический горизонт анализируемых проблем.

В отличие от других животных человеческий индивид наделен рефлексивностью и сознанием. Соответственно, он не существует спонтанно-естественным образом, его поведение определяется не только инстинктуальным оснащением, но также культурными смыслами и психологическими мотивациями. Кроме того, отношение человека к естественной среде обитания и к созданным им самим артефактам всегда опосредованно социальными отношениями и культурными смыслами. Разумеется, сами эти значения и отношения определяются и внешними условиями среды.

Человек рождается в сферу унаследованных моделей поведения, систем правил, норм и ценностей, определенного набора репрезентаций реальности. Совокупность всего этого накапливалась и передавалась посредством языка, коллективной памяти, вообще посредством коллективного опыта в широком смысле слова.